

СТАТЬИ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 1380 года

М. Н. Тихомиров

Куликовская битва 1380 г. была великим событием в жизни русского народа, поворотным моментом в его борьбе против ненавистного татарского ига. Грозное «Донское», или «Мамаево», побоище стало предметом многочисленных сказаний, тесно связанных с песенной традицией. Ни одна русская победа над иноземными врагами, вплоть, пожалуй, до Бородинского сражения 1812 г., не вызвала такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва. Она стала символом борьбы русского народа с хищными врагами, посягавшими на его самостоятельность.

Татарское нашествие, разорившее русские земли, нередко сравнивали с опустошительным ураганом. Но это сравнение неправильное. Татарское нашествие не окончилось вторжением полчищ Батыя и ограблением русских земель, а превратилось в длительное и тягостное татарское иго. Не прошло и 15 лет после «Батыевой рати», как Русь испытала «Неврюеву рать» (1253 г.), через 40 лет последовала «Дюденева рать» (1293 г.). Но это только большие военные походы на Русь, называемые современниками по именам татарских предводителей. А сколько было более мелких и порой не менее опустошительных набегов! Нужен был только предлог для того, чтобы татарские отряды вторглись в русские земли. Здесь они грабили, жгли города и села, уводили в тяжкую неволю бесчисленное количество пленных.

Прибавим к этому изощренную эксплуатацию населения русских земель путем собирания дани, путем установления новых налогов, вспомним «проклятую туску» наших летописей, или обязанность кормить ханских послов с их прожорливой челядью, постоянные вмешательства татар в княжеские междоусобицы, что давало им возможность посылать свои отряды для разорения земель неугодных им князей, — одним словом, всю систему грабежа и террора, которую историки называют «татарским игом», чтобы понять, насколько велико было бедствие, постигшее русские земли в XIII веке. Тогда, по образному выражению современника, «иные убежали в земли дальние, другие скрывались в пещерах, в пропастях и в лесах»¹.

Непосредственным следствием татарского нашествия было запустение русских земель, граничивших со степью. К югу от Рязани, от верховьев Дона до Азова в его устье, расстилалась обширная пустыня. Даже в конце XIV столетия, спустя 150 лет после первых татарских погромов, «не видно было там ни города, ни села; если прежде и были города прекрасные, то теперь только места пустые и ненаселенные, нигде не видно было человека, только пустыня великая»².

Особенно опустели Киевская, Переяславская и Черниговская земли, и до татар страдавшие от кочевников — печенегов, половцев и т. д. И если неверно говорить о том, что они полностью обезлюдили и были

¹ См. Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М. 1915, стр. 55. Приложения. Древнерусские тексты в статье даются в переводе на современный язык.

² «Русский временник». М. 1820. Ч. I, стр. 296.

заново заселены, то все-таки можно утверждать о крайнем ослаблении этих когда-то многолюдных и богатых областей. На севере река Ока долго оставалась основной линией обороны русских земель от татарских набегов. И только упорная и героическая деятельность русского и украинского народов воскресила к жизни черноземные степи нашего юга. Население русской лесостепи надолго отошло под защиту леса и лишь в XVI в. стало постепенно заново осваивать черноземные земли к югу от Оки, наступая на них засеками, укрепленными чертами, каменными городами, деревянными острогами, неустойчивой крестьянской колонизацией, неутомимым крестьянским трудом.

Главное внимание историков, изучавших вторую половину XIII в., как правило, обращалось прежде всего на исследование положения русских земель под татарским владычеством. Поэтому весь последующий период XIV—XV столетий рассматривался ими лишь под углом создания Русского государства с центром в Москве. Эту схему находим в известном «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, эта схема повторяется и в других исторических работах, рассматривающих этот вопрос. И действительно, поражают те успехи, которые русские земли сделали в XIV веке. Их нельзя объяснить только политическими явлениями. Эти успехи могут быть поняты только как результат каких-то больших сдвигов, происшедших в это время в области хозяйства, политики и культуры. Прямого объяснения этих успехов мы до сих пор не имеем, но показатели их для нас ясны.

Показателем положительных сдвигов в экономике Руси XIV в. является прежде всего появление новых сел и городов. Житие Сергия Радонежского и другие источники красочно рисуют перед нами картину заселения лесных пространств, лежавших тогда между Москвой и Переяславом Залесским. Тут возникает новый городок — Радонеж. Уже в начале XIV в. Москва была окружена кольцом сел и деревень. Ценность сел, деревень, лугов и подмосковных садов была уже настолько велика, что великие князья особо перечисляют их в своих завещаниях. На страницах летописей и грамот начинают упоминаться города, неизвестные раньше по источникам. Поблизости от Москвы и Твери появляются Звенигород, Можайск, Руза, Верей, Боровск, Малоярославец и другие города. Нельзя настаивать на том, что все они возникли только в XIV в.; поселения на их месте, возможно, существовали и раньше. Но только в XIV в. и в последующие столетия эти города начинают играть заметную роль в экономической и политической жизни Московского княжества; следовательно, если не их начало, то развитие падает на XIV—XV века.

Крупным экономическим показателем успешного развития хозяйства Северо-Восточной Руси является рост таких крупных городов, как Москва, Тверь, Переяславль Рязанский, Нижний Новгород. Эти города становятся центрами ремесла и торговли. Они стоят на больших водных путях, имеют крупное ремесленное и торговое значение. После долгого, 50-летнего перерыва возобновляется каменное строительство, начинается чеканка русских денег, отливка колоколов и пушек.

Не остается в стороне и культурное развитие русского народа. В Москве, Твери, Новгороде и других городах развиваются литература, иконопись, фресковая живопись, прикладное мастерство. Одним словом, закладываются основы того замечательного русского искусства, которое в XV в. найдет свое выражение в великих творениях Андрея Рублева. И если под возрождением понимать начало новой эры в области культурной жизни народов, то мы вправе говорить о «русском возрождении XIV—XV веков».

Новые экономические и культурные явления в Северо-Восточной Руси были связаны с крупнейшими сдвигами в области политической — с образованием Русского государства, центром которого стала Москва. Процесс создания Русского государства происходил одновременно с об-

разованием русской народности. Вероятно, оба эти процесса шли параллельно. Уже в памятниках XIV в., возникших в Москве, Новгороде, Пскове, Твери, Рязани, Смоленске и других городах, мы найдем основные черты, из которых сложился русский язык. Можно долго и бесплодно спорить о том, была ли Москва или Тверь первоначальным центром, вокруг которого складывалось Русское государство, но нельзя отрицать того, что этот процесс в конечном итоге возглавила не Тверь, а Москва. Героями Куликовской битвы 1380 г. были не тверичи, а «москвичи-небывальцы», московские ратные люди, ремесленники, крестьяне. А ведь именно Куликовская битва впервые показала, что «Русь великая» одолела татар.

Русские земли составляли в XIV в. важнейшую и богатейшую часть владений, подчиненных Золотой Орде.

Что же собой представляла сама Золотая Орда, обычно называемая в русских летописях просто Ордой, иногда с прибавкой Синяя, Большая и т. д.? Это было обширное «искусственное государственное образование, сложившееся путем захвата чужой земли»³.

К середине XIV в. наметились уже тенденции к распаду Золотой Орды на ряд феодальных ханств, впоследствии возникших на ее развалинах. Во время «замятни великой», происшедшей в Орде в 1361 г., появилось одновременно несколько ханов, которые не переставали враждовать друг с другом⁴. Таким образом, в то время как на Руси наметились тенденции к объединению русского народа в едином государстве, в Золотой Орде происходил обратный процесс — распад государства на отдельные феодальные земли.

Впрочем, не следует преувеличивать ни степень распада Золотой Орды на отдельные ханства, ни степень объединения русских земель вокруг Москвы в конце XIV века. С одной стороны, незадолго до Куликовской битвы хан Мамай добился объединения под своей властью значительной части владений Золотой Орды; с другой, — если Московское княжество и заняло в это время бесспорно первое место в Северо-Восточной Руси, то рядом с ним сохранялось еще большое количество крупных и мелких княжеств, проводивших самостоятельную политику (Тверское, Рязанское, Нижегородское, Смоленское и др.), не говоря уже о Великом Новгороде и Пскове. Феодальная раздробленность русских земель и позволяла татарским ханам так долго удерживать свое владычество над Русью. Она была главной причиной, тормозившей борьбу русского народа против татарского ига. Во время больших феодальных междоусобиц в Золотой Орде главные силы Московского великого княжества были отвлечены на борьбу с литовскими и тверскими князьями. Эта борьба продолжалась много лет и приняла особенно острые формы в княжение Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389 гг.).

Ко времени Куликовской битвы в Восточной Европе сложилась крайне запутанная политическая ситуация. К сожалению, даже в специальной исторической литературе поход Мамай на Русь рисуется все еще недостаточно точно. В своем специальном исследовании «Золотая Орда и ее падение» Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский ограничиваются двумя краткими и несогласованными очерками о событиях, предшествовавших Куликовской битве, и о самой Куликовской битве⁵. Это, пожалуй, самые малозначительные и трафаретные страницы в этой свежей и интересной книге.

Мало нового дает и глава, посвященная борьбе против монголо-татарского ига, в недавно вышедших «Очерках истории СССР». Часть II (1953 г.). Автор ее ограничивается изложением летописных данных о битвах на Пьяне, на Воже, о самой Куликовской битве. Изложение

³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 12.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. XVIII, стр. 101.

⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 240—244, 286—294.

ведется хронологически, но не всегда точно. Сами татарские нападения на русские земли, участвовавшие с 1373 г., рассматриваются как своего рода попытка татарских князей возместить «свои неудачи путем грабительских походов на русские княжества»⁶. Выбор источников в этой главе «Очерков» сделан неполно. В основу изложения положена почти исключительно Никоновская летопись, несмотря на ее относительно позднее происхождение.

Между тем поход Мамаю на Русь явился следствием целого ряда предшествовавших событий и вовсе не был столь неожиданным, как он рисуется в сказаниях о Мамаевом побоище. Битве на реке Пьяне 1377 г. предшествовал удачный поход русских войск во главе с князем Дмитрием Ивановичем Волынским на Великие Болгары в 1376 году. Болгарские князья заплатили великому князю большой денежный откуп и посадили в городе даругу и таможенника⁷. Даруга — это чиновник, обеспечивавший сбор и доставку дани. Следовательно, появление даруги московского великого князя в Болгарах обозначало утверждение верховной власти великого князя над этим крупнейшим приволжским городом, лежавшим в непосредственной близости к Сараю, столице Золотой Орды. Таким образом, утверждение власти великого князя над Великими Болгарами непосредственно угрожало Золотой Орде и в первую очередь самому Мамаю.

Русский поход на Великие Болгары в 1376 г. надо рассматривать как борьбу за великий волжский путь, имевший в это время, как и раньше, громадное торговое значение. Значение этого пути ярко рисуется в рассказе летописи о взятии Нижнего Новгорода ушкуйниками. Эти речные пираты русского средневековья ограбили тут большое количество речных судов (кербатов, учан, лодей, паусков, стругов), которые принадлежали татарам, «бессерменам» и армянам⁸.

В безопасности волжского торгового пути были заинтересованы не только золотоордынские татары, но и армяне, жившие в больших торговых городах Поволжья, Кавказа и Крыма, а также итальянцы («фряги» наших летописей), опиравшиеся на свои колонии в Крыму. Генуэзские колонии в Крыму были связаны торговыми отношениями с Поволжьем, и это объясняет нам участие в походе Мамаю армян и фрягов.

Летописи не сообщают, сколько времени великокняжеские чиновники, даруга и таможенник, сидели в Болгарах, но можно догадываться, что это продолжалось очень недолго. Уже в 1377 г. татарский царевич Арабшах (Арабша наших летописей) разбил на реке Пьяне русский передовой отряд. Войска Арабшаха пробрались через густые леса при помощи мордовских феодалов и князей. Одержав на Пьяне победу над русскими войсками, татары напали на Нижний Новгород и его окрестности.

Успех внезапного набега Арабшаха на русские границы показал большую их уязвимость со стороны степи. Уже в 1378 г. Мамай, «собрав вой многи», послал свое войско на Русь. Маршрут этого похода не вполне ясен. Повидимому, татарские войска поднялись по Дону и дальше направились вдоль Оки по направлению к Коломне и Москве. На реке Воже, впадающей в Оку с юга, произошло решительное столкновение. Переправившись через реку, татары стремительно обрушились на русское войско, но, получив отпор, побросали копья и бежали за Вожу. Наступившие сумерки прекратили сражение. Наутро татарский лагерь оказался пустым. Стояли только шалаши, юрты, телеги, шатры, наполненные награбленным имуществом. Татары устремились в бегство с вечера и бежали всю ночь⁹.

⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.». Ч. II. М. 1953, стр. 219.

⁷ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 192.

⁸ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 104.

⁹ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 199—200.

Относительная подробность известий о побоищах на Пьяне и на Воже позволяет нам с большой достоверностью говорить об этих битвах как о значительных, но все-таки второстепенных сражениях. Татарские войска состояли из конницы. Об этом говорит внезапность появления Арабшаха на Пьяне, об этом же говорит и быстрое бегство татар из лагеря на реке Воже.

Иной характер имел новый поход Мамаю на Русь, закончившийся Куликовской битвой. Этот поход был крупнейшим военным предприятием XIV в., которое только видела Восточная Европа. Он был задуман в масштабах, далеко выходящих за пределы борьбы Москвы с Золотой Ордой¹⁰.

По Ермолинской летописи, основанной на очень ранних источниках, Мамай предпринял поход «в единой мысли» с литовским великим князем Ягайлом Ольгердовичем и князем Олегом Ивановичем Рязанским¹¹. Более поздние сказания даже воспроизводят текст писем, которыми обменивались будто бы между собой союзники. Книжный язык этих писем говорит не в пользу их подлинности, но нельзя с уверенностью утверждать и об их подложности. Возможно, эти письма в дошедшем до нас виде представляют собой переделку подлинных текстов из переписки Мамаю с его союзниками. Во всяком случае, в них мы находим жалобы Олега Рязанского на то, что великий князь Дмитрий отнял у него Коломну, а также обещания Мамаю отдать ему в случае победы Коломну, Муром и Владимир, как города, находившиеся поблизости от рязанских владений. Сомнительно, чтобы эти подробности восходили к очень позднему времени; возможно, они сохранили кое-что из подлинной переписки Мамаю с его союзниками.

По Ермолинской летописи, Мамай пошел на войну «со всеми князи ордыньскими, с всею силою татарскою и половецкою». Кроме того, в его войска влились наемные отряды «бесермен», армян, фрягов, черкасов, ясов, буртасов. Это перечисление народов, среди которых Мамай нашел

¹⁰ Автор не ставит своей целью обзор источников по истории Куликовской битвы, но все-таки считает необходимым сделать несколько пояснений. Наиболее достоверные сведения о битве дошли в составе летописей XV века. Таков рассказ Ермолинской летописи в рукописи конца того же века (ПСРЛ. Т. XXIII). Этот рассказ послужил основой для так называемой летописной повести в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (ПСРЛ. Т. IV и VI). Время появления рассказа, помещенного в Ермолинской летописи, как будто определяется словами о великом князе в третьем лице, как бы об умершем. Это может указывать на то, что рассказ возник после смерти Дмитрия Донского (1389 г.), но во всяком случае, еще в XIV веке. Летописная повесть сама возникла не позже смерти Олега Ивановича Рязанского (умер в 1402 г.), так как говорит о нем как о живом.

Что касается сказаний о Мамаевом побоище в различных их редакциях, то все они представляют собой сводные тексты. Самый древний из них — это, вероятно, так называемое сказание второй редакции (см. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб. 1906). Впрочем, и оно носит черты соединания различных произведений: с одной стороны, поэтического произведения, подобного «Задонщине», с другой, — текста со множеством церковных вставок. Текст такого характера лег в основу или был использован всеми другими редакциями сказаний о Мамаевом побоище, несмотря на свои явные несообразности. Вероятнее всего, он возник при дворе митрополита Киприана, в то время, когда последний находился в изгнании из Москвы. Поэтому сказание прославляет литовских князей Ольгердовичей, а также Владимира Андреевича Серпуховского как героев битвы. Это — сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием.

Сказания о Мамаевом побоище включили в свой состав многие детали, взятые из устных и письменных источников. Некоторые из этих дополнений имеют несомненную историческую ценность и основаны на не дошедших до нас источниках, отнюдь не являясь лишь простыми риторическими украшениями или песнями, как часто об этом говорится в сочинениях по истории русской литературы. Наиболее ценными являются сказания Никоновской летописи и Новгородского хронографа (Государственный исторический музей в Москве. Собр. Забелина, № 261). Это последнее, впрочем, является крайне пестрым по составу. Одним из его источников было сказание, оригинал которого лег в основу рассказа Никоновской летописи. Однако этот оригинал лучше сохранился в Новгородском хронографе.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXIII, стр. 125.

наемников («понаимова»), требует некоторого комментария. Так, прежде всего остается не вполне понятным, какой народ обозначается «бесерменами». В данном случае под ними, кажется, можно понимать вообще мусульман. В черкасах и ясах видим черкесов и осетин Северного Кавказа. Фряги — итальянцы из итальянских колоний в Крыму. Буртасы — это различные племена Поволжья, в том числе и мордовские. Так очерчивается круг племен и народов, из которых набраны были наемники для пополнения татарских войск, шедших походом на Русь.

Общее количество войск, собранных Мамаем, не подлежит сколько-нибудь точному исчислению. Сказания о Мамаевом побоище дают совершенно легендарные цифры в 200, 400 тысяч человек и более. Количество убитых воинов Мамаю некоторые сказания исчисляют в 400 тысяч человек. Так же легендарно исчисляется и количество русских войск (200—400 тысяч).

Эти преувеличенные цифры были повторены и в таком новом издании, как «Очерки истории СССР», где читаем: «Общая численность войск Мамаю достигла 250—400 тысяч человек». Количество русских войск, сражавшихся против Мамаю, определяется в той же работе более осторожно: «По летописным сведениям общая численность русской рати, двинутой в степь, за Дон, достигала 150—400 тысяч воинов»¹².

Насколько невероятны такие цифры, видно из следующей справки. «Великая армия» Наполеона, перешедшая Неман, насчитывала всего 420 тысяч человек. В Бородинской битве с обеих сторон сражалось 250 тысяч человек.

Летописные данные позволяют в какой-то мере корректировать легендарные сведения о количестве русских и татарских сил, столкнувшихся на Куликовом поле. По сказанию о Донском побоище, помещенному в Московском своде конца XV в., Дмитрий Иванович собрал на Коломне перед выступлением в степь «100 000 и сто». Тут же дана и другая цифра: «Было всей силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести тысяч»¹³. Как видим, летописец не очень затруднял себя точным подсчетом войск и охотно готов был приписать лишних 50 тысяч воинов. Но цифру в 100 или 150 тысяч воинов найдем и в других летописях; повидимому, она близка к истине. Вероятно, приблизительно столько же было и в войсках Мамаю. Но и в этом случае на Куликовом поле сражалось громадное войско — 200—300 тысяч человек с обеих сторон.

Состав русского войска, сражавшегося на Куликовом поле, резко отличался от состава татарских полчищ своей однородностью. В Куликовской битве с русской стороны в основном сражались русские. Кроме них, в битве приняли участие и некоторые украинские и белорусские отряды. Так, одним из героев битвы был воевода князь Дмитрий Боброк, «родом земли волынские», тот самый князь Волынский, который в 1376 г. осаждал Великие Болгары. По родословным книгам, он «приехал из Волынские земли» и женился на Анне, сестре великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Подобные выезды из других земель на службу к великим князьям обычно сопровождались переездом не только одного феодала, но и его военных слуг. Поэтому участие в Куликовской битве украинцев не только возможно, но и вполне вероятно.

В составе русских войск, сражавшихся на Куликовом поле, найдем и двух сыновей Ольгерда — Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Сказания объясняют их участие в Куликовской битве гонениями со стороны их старшего брата, Ягайла. С полоцким князем должны были прийти и некоторые полоцкие люди. Следовательно, в полках на Куликовом поле найдем и украинцев и белорусов.

¹² «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», стр. 222 и 224.

¹³ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 202.

Основное ядро русского войска составили москвичи. Сказания называют их москвичами-небывальцами, непривычными к бою. Таким названием определяет москвичей и такой ранний источник, как Новгородская первая летопись младшего извода. Она расшифровывает и понятие «небывальцы»: «Москвичи же многие небывальцы, видевши множество рати татарской, устрашилися и жизни отчаялись, а иные в бегство обратились»¹⁴.

В сказании о Мамаевом побоище, помещенном в Новгородском хронографе XVII в., сохранились прямые указания, из кого состояли эти небывальцы. В числе участников Куликовской битвы Хронограф называет Юрку сапожника, Васюка Сухоборца, Сеньку Быкова, Гридю Хрульца¹⁵. Прозвище «сапожник» прямо говорит о ремесленной профессии этого московского ополченца. Уменьшительные имена — Васюк, Сенька и Гридя — указывают на невысокое общественное положение этих людей. Не случайно имена их сохранились только в одном сказании — Новгородском хронографе.

Новгородский хронограф обнаруживает и другую важную особенность, характеризующую состав русского войска, сражавшегося на Куликовом поле. Великий князь Дмитрий Иванович обращается с речью к князьям, воеводам и «молодым людям»: «Братья, князи и воеводы и молодые люди, сынове христианские, от мала и до велика». Так же говорит и Владимир Андреевич Серпуховской: «Братия моя милая, князи и бояре русские, сынове и молодые люди»¹⁶.

Термином «молодые люди» обозначали в то время ремесленников, крестьян, — одним словом, общественные низы. Кажется, нельзя найти более ясные доказательства всенародности русского ополчения, сражавшегося на Куликовом поле.

Наши источники позволяют более или менее точно установить, какие русские земли XIV в. приняли участие в ополчении, сражавшемся на Куликовом поле.

В составе русского войска мы видим белозерских и ярославских князей, обозначаемых собирательным названием «князья», что служит доказательством того, что к этому времени Белозерский и Ярославский уделы раздробились уже на множество мелких владений. Далее названы князья: Брянский, Елецкий, Мещерский, Муромский¹⁷.

Несколько по-иному представляется состав русского войска по списку Новгородской 4-й летописи, известному под названием списка Дубровского. По этому списку, в передовом полку воеводами были князья Ольгердовичи и белозерские князья. В главном, «большом» полку, которым командовал сам Дмитрий Донской, в числе воевод назван князь Иван Васильевич Смоленский. В правом полку (так называемой «правой руке») в числе воевод упомянут князь Стародубский, в левом — князь Ярославский и Моложский, в сторожевом полку — князья Оболенский и Торусский (в рукописи Поружский), в засадном полку — князь Владимир Андреевич Серпуховской, князья Брянский, Кашинский, Новосильский¹⁸.

Список Дубровского, в сущности, дает полное распределение воевод по полкам, то, что позже называли «разрядным списком». Неясно, является ли этот список современным Куликовской битве или он возник позже, может быть, даже относительно поздно, спустя много лет после нее, но, во всяком случае, этот список пока является наиболее полным

¹⁴ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 376.

¹⁵ Государственный исторический музей в Москве. Собрание Забелина, № 261. л. 286об.

¹⁶ Там же, лл. 279об, 286.

¹⁷ С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 52. Приложения.

¹⁸ Там же, стр. 155.

свидетельством того, какие князья принимали участие в Донском побоище.

Если принять во внимание, что «местные» князья, как их называют источники, были военачальниками и предводителями военных отрядов, то мы довольно полно можем представить себе, какие княжества послали свои ополчения для борьбы с татарами.

Кроме князей, во всех полках воеводами были знатные московские бояре (Родион Квашня, Михаил Бренк, Лев Морозов и др.). Здесь перед нами ярко обнаруживается своеобразие народного ополчения, собранного для борьбы с татарами. Оно как бы отражает характер политической власти времени феодального раздробления. Рядом с воеводами полков, пришедших из областей, непосредственно подчиненных великому князю и уже влившихся в образующее Русское государство, выступают «местные» князья — предводители ополчений тех княжеств, которые еще сохранили некоторую самостоятельность. Во главе отрядов или полков (коломенского, владимирского, костромского, переяславского) стоят московские бояре. Во главе ополчений из княжеств — князья. Они «с своими полками придоша»¹⁹.

Впрочем, князей-союзников было сравнительно немного, и все они владели второстепенными и окраинными вотчинами. Это князья белозерские, ярославские, муромские, елецкие, мещерские²⁰.

Итак, вот те русские полки, которые сражались на Куликовом поле. В основном они пришли из областей, уже вошедших в состав образующего Русского государства. Это силы складывающейся русской народности, складывающегося Русского государства во главе с Москвой.

Нет никакого сомнения в том, что и остальные русские земли, как и весь русский народ, поддерживали героическую борьбу московского воинства с татарами. Этим объясняется, например, появление в сказаниях о Мамаевом побоище рассказа о новгородцах, хотевших принять участие в борьбе с татарами²¹. Там читаем целую «повесть о мужях-новгородцах». Однако эта повесть возникла, во всяком случае, после падения новгородской самостоятельности и представляет собой переделку какого-то старинного новгородского сказания. Переделка была сделана наивно и упрощенно, в силу чего в повести оказалось имя новгородского архиепископа Евфимия как современника Мамаева побоища, хотя он и жил спустя полстолетие после Куликовской битвы. В действительности новгородцы не принимали участия в походе против Мамаея.

В стороне остались и тверские князья, за исключением удельных кашинских князей, враждовавших со своими старшими сородичами. В Рогожском летописце тверского происхождения найдем статью о Куликовской битве (под странным названием «Побоище на Воже»), но эта статья не представляет собой самостоятельного произведения. В официальном летописце тверских князей не нашлось и вовсе места для рассказа о Куликовской битве²².

Источники прямо говорят о союзе с татарами рязанского князя Олега Ивановича. Летописная повесть о Куликовской битве называет его в связи с этим «худым» (то есть плохим) христианином, грозит ему божьим судом. Повесть приписывает Олегу прямое участие в союзе с

¹⁹ Там же, стр. 17. Приложения.

²⁰ Имеется, впрочем, и другое перечисление полков, сражавшихся на Куликовом поле, но оно носит легендарный характер, хотя и помещается в тех же сказаниях о Мамаевом побоище, откуда нами взято распределение полков и воевод. В списке русских бояр, погибших в сражении, названы серпуховские, переяславские, костромские, владимирские, суздальские, муромские, ростовские, дмитровские, можайские, звенигородские и углицкие бояре. Этот реестр убитых бояр разнообразится в позднейших списках, но наиболее близким к первоначальному он является во второй редакции сказания.

²¹ С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 96. Приложения.

²² ПСРЛ. Т. XV, первый выпуск (Рогожский летописец), стр. 139; см. также стр. 463—470.

Мамаем и Ягайлом. Татарская, литовская и рязанская рати должны были встретиться на берегах Оки на Семенов день, следовательно, 1 сентября²³.

Ничего не известно также об участии в Куликовской битве нижегородских и суздальских князей. Можно предполагать, что и псковичи приняли только ограниченное участие в сражении. В это время псковичам было затруднительно выставить большой вспомогательный отряд, так как Псков подвергся нападению со стороны немецких рыцарей.

Таким образом, далеко не все русские земли приняли участие в борьбе с татарами. Это следует подчеркнуть, так как в нашей исторической литературе господствует обратное мнение, неоднократно высказываемое и в новейших работах.

Если принять во внимание, что Новгородская, Тверская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская земли не прислали своих полков для похода против татар, то придется считать, что, по крайней мере, треть военных сил Северо-Восточной Руси не участвовала в Куликовской битве. И это обстоятельство только подчеркивает, насколько вырос экономический, политический и военный потенциал Северо-Восточной Руси, сделавшейся к концу XIV в. гораздо более сильной по сравнению с Золотой Ордой.

Но если далеко не все русские земли приняли участие в Куликовской битве в силу того, что князья и бояре земель, еще не подчинившихся Москве, отстаивали свои местные привилегии в ущерб общему делу, то мы все-таки вправе говорить о Куликовской битве как о всенародной победе над татарами, как об едином общерусском деле.

Тверские великие князья остались в стороне от борьбы с татарами, но удельный кашинский князь как бы представлял собой от имени Тверской земли в общерусской рати, пошедшей против Мамаю. О настроении в Рязанской земле видно из того, что великий князь Олег Рязанский после победы над татарами бежал из Рязани вместе с семьей и частью бояр, а оставшиеся рязанские бояре договорились с Дмитрием Донским и заключили с ним договор («ряд»)²⁴. Один из смоленских князей, о чем мы писали выше, был воеводой русского полка, сражавшегося на Куликовом поле.

А самое главное: во всех русских землях одинаково радовались победе над татарами. Мы видели уже, как новгородцы старались переделать свои произведения, чтобы связать их с Куликовской битвой. Софония Рязанец, согласно ряду списков, был автором поэтической повести «Задонщина». Есть намеки на то, что «Задонщина» была распространена в Псковской земле и на Белоозере. Все это отголоски того энтузиазма, который Донская победа вызвала в русском народе, видевшем в ней зарю более светлого будущего и величия своей Родины.

Мамай предполагал встретиться со своими союзниками — литовским князем Ягайлом и рязанским князем Олегом — на берегах Оки. Верховья Дона, как известно, близко подходят к Оке. От Переяславля Рязанского, столицы Рязанского великого княжества, начинался сухопутный путь к верховьям Дона, а оттуда можно было сплошной водной дорогой добраться до Азова. Иногда небольшие речные суда на колесах доставлялись из Переяславля Рязанского к верховьям Дона; там их спускали на воду. Таким образом, поднимаясь вдоль Дона к его верховьям, можно было выйти к Переяславилю Рязанскому.

Прямой путь к Переяславилю Рязанскому из Литовского великого княжества шел также по Оке, в верховьях которой находилось несколько мелких княжеств, подчинившихся литовским великим князьям в XIV веке.

²³ ПСРЛ. Т. VI, стр. 90—92.

²⁴ Там же, стр. 97.

Этим путем, надо предполагать, и шел Ягайло со своим войском, через Одоев, как указывают некоторые сказания. Таким образом, создавались условия для соединения трех ратей — татарской, литовской и рязанской — для совместного их похода на Москву. И такая опасность представлялась современникам настолько реальной, что о ней говорят и летописи и сказания.

Необходимость помешать объединению Мамаю с его союзниками, надо полагать, и определила план войны, принятый Дмитрием Донским. Вместо обороны Оки, у которой стояли важные крепости — Коломна и Серпухов, — Дмитрий Донской переправился через Оку и двинулся в степь к верховьям Дона, следовательно, непосредственно навстречу Мамаю.

Наши летописи и сказания о Мамаевом побоище дают возможность установить хронологию событий, предшествовавших Куликовской битве, и ход самой битвы. По летописной повести, великий князь узнал о наступлении татарских войск в августе. Весть об этом прислал в Москву сам рязанский князь Олег: «Мамай идет со всем царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя, а то тебе ведомо будет; и князь литовский Ягайло идет на тебя со всею силою»²⁵. Известие это хорошо очерчивает противоречивую позицию рязанского князя, готового присоединиться к более сильной стороне.

По-иному рассказывает о событиях Новгородский хронограф, сохранивший более древний текст, чем Никоновская летопись, которую обычно цитируют при рассказе о Куликовской битве²⁶. У великого князя Дмитрия Ивановича были устроены в степи «крепкие стражи» «удалых людей 50 человек великого князя двора». Эта стража должна была находиться у реки Воронеж, где в это время кочевал Мамай со своей ордой. Татарские передовые отряды подстерегли русских стражников и взяли их в плен. Одному стражнику удалось бежать из плена, и он примчался в Москву с вестью о движении татарских войск. По словам Хронографа, великий князь никак не ожидал этой весты, заставшей его во время пира в кремлевских набережных палатах, когда пили чашу в честь его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Дмитрий Иванович получил об этом весть на третий день по Ильине дне, значит, 23 июля.

Великий князь спешно, «вборзе», послал в Боровск за князем Владимиром Андреевичем, а также к воеводам и князьям: «И повеле им скоро быти к Москве всем». После того как Владимир Андреевич, князя и местные воеводы собрались на Москву, великий князь начал «думати с ними «думу» (то есть устроил совещание), в результате которой («здумаша тако») были посланы гонцы с грамотами по городам с призывом всем собраться на Коломне «на мясопуст госпожа богородица», то есть на Успеньев пост (с 1 по 15 августа).

Тогда же в степь была послана застава «крепких юношей 70 человек». Она должна была стоять на реке Быстрой Сосне, притоке Дона, добывать «языка», пленника для расспроса.

Эта застава по какой-то причине «замедлила в поле». Тогда великий князь послал новую заставу («вторую сторожу»), поставив во главе ее «поляника старого» Климента Святослава «и крепких иных юношей» 33 человека. Застава встретила Василия Тупика, который вел с собой долгожданного пленника. «Язык» оказался сановитым, из ханского («царева») двора. Он сообщил, что Мамай действительно идет на Русь, сговорившись с Олегом Рязанским. Царь спешит, «осени требует». Последние слова несколько непонятны. Возможно, речь идет об осенней дани, которую Мамай надеялся получить в русских землях. Проще же думать,

²⁵ Там же, стр. 91.

²⁶ Новгородский хронограф, лл. 264об — 265; см. также ПСРЛ. Т. XI.

что термин «осени требует» говорит о стремлении Мамай напасть на Русь, пока еще не наступили осенняя распутица и холода.

Новые вести из степи пришли в августе. По некоторым сказаниям, Дмитрий Донской в это время находился в Троицкой лавре у игумена Сергия, в 70 километрах к северу от Москвы. Он тотчас же поспешил к Москве, где уже собралось большое войско.

Сказания дают такую картину выступления русских войск из Кремля. Был тихий и ясный августовский день. Множество народа собралось в Кремле, стояли на площади и улицах тогдашнего Кремля, на городских стенах и башнях. Здесь разыгралась тяжкая сцена последнего прощания воинов со своими женами и семьями. Жены давали своим мужьям «конечное целование», как уходящим почти на верную смерть. Войско выходило из Кремля тремя воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константиносленскими, находившимися южнее Спасских, на той же стороне кремлевского треугольника.

Сказания поэтически описывают выступление в поход русских войск во главе с Дмитрием Донским: «Солнце ему на востоке сияет, путь ему показывает. В то время, точно соколы вырвались от золотых колодок, от каменного града Москвы, и возлетели под синие небеса, возгремели своими золотыми колокольчиками, хотя ударить на многие стада гусиные и лебединые. То, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удалцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а хотят наехать на великую силу татарскую»²⁷. Так неизвестный нам по имени русский поэт XIV столетия, может быть, очевидец и даже участник великой битвы на Куликовом поле, описал начало похода русских войск против татар.

Из Москвы войска шли к Коломне тремя путями: Владимир Андреевич Серпуховской со своим отрядом двигался по Брашевской дороге, пролежавшей примерно по трассе современного Рязанского шоссе. «Красный» (прекрасный, красивый) перевоз на Москва-реке, через которую на этой дороге переправлялся Владимир Андреевич, находился, повидимому, у подножия так называемых Боровских курганов. Мимо них проходит и теперь Рязанское шоссе. Поэтому перевоз назывался одинаково и Брашевским и Боровским. Это последнее название путало комментаторов, так как был и город Боровск, принадлежавший Владимиру Андреевичу.

Белозерские князья шли Болвановской дорогой. Направление ее не вполне ясно. Она, видимо, проходила по левой стороне Москва-реки, начинаясь от современной Таганки и Таганской площади в Москве. Местность около этой площади еще сотню лет тому назад называлась Болвановкой, а стоящая тут церковь XVII в. была известна под названием «Николы на Болвановке».

Великий князь Дмитрий Иванович с третьим отрядом двигался Серпуховской дорогой на село Котлы, которое лежало на южной окраине Москвы и только совсем недавно вошло в черту города.

Новгородский хронограф так определяет силы трех отрядов: с Владимиром Андреевичем шло 30 тысяч, с белозерскими князьями — 25 тысяч, с великим князем — 50 тысяч воинов. Общая цифра всех воинов, двинувшихся из Москвы в поход против Мамай, таким образом, по этому свидетельству, несколько превышала 100 тысяч человек²⁸.

Прибыв в Коломну, великий князь, по сказаниям, устроил на следующий день на обширном поле смотр полкам: были «уряжены», распределены полки и поставлены над ними воеводы. Тотчас же за смотром, по сказаниям, последовала переправа русского войска через Оку. Но это известие неверно. По Ермолинской летописи, Дмитрий Иванович с войском вышел из Коломны 20 августа и остановился при устье Лопасни, впадающей в Оку, «переимая вести про поганых». В это время к русскому войску

²⁷ С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 50. Приложения.

²⁸ Новгородский хронограф, л. 272об.

присоединились князь Владимир Андреевич и окольный Тимофей «в остаточных», то есть последними. Это случилось 24 августа («за неделю до Семена дни») ²⁹.

Тогда же, по сказаниям, в степь была послана третья застава, «сто-рожа», во главе с Семеном Мелюком, «и иных многих ведомцов 90 человек».

4 сентября, когда русское войско уже подходило к Дону, в местечке Березуе, или Березаи, в 23 верстах от реки, два воина из заставы привели нового «сановитого» языка из ханских приближенных. Он сообщил о приближении Мамай. Мамай шел медленно, ожидая прихода литовской и рязанской рати.

По прибытии русского войска к Дону возник вопрос, где встретить подходившие татарские полчища, на левой или на правой стороне реки. Так называемое сказание второй редакции приписывает инициативу перехода русских войск на правую сторону Дона Семену Мелику, или Мелюку, из сторожевой засады. За ним гнались татары, и притом так нагло («безстыдно»), что почти добрались до русских полков, во всяком случае, они гнались за Меликом «до тех пор, пока и полки русские увидели». По сказанию, Мелик сообщил, что Мамай стоит уже на Гусином броде и к утру подступит к реке Непрядве. Поэтому он советовал великому князю «исполчиться», придти в боевую готовность, чтобы татары не сделали нападения первыми («да не предварять поганий») ³⁰.

Другие сказания приписывают инициативу перехода через Дон двум Ольгердовичам, тогда как московские бояре предлагали остаться на другой стороне Дона. Ольгердовичи будто бы подхлестнули своих коней и перebraлись через Дон, а за ними устремилось все войско ³¹.

Но этот рассказ мало достоверен: в нем даже имя Ягайла заменено именем его отца Ольгерда, умершего в 1377 году. Это говорит о том времени, когда память о событиях уже стерлась. К тому же литовские князья в этом сказании называют московских бояр крамольниками, в духе некоторых памятников XVI века.

О каких-то разногласиях при выборе места для сражения говорит и Ермолинская летопись. По ее рассказу, кажется, в этом случае наиболее достоверному, русское войско подошло к Дону за два дня до битвы, значит, 5 сентября. «И долго стояли, раздумывая, одни говорили — «идем за Дон», а другие не хотели. Тогда великий князь приказал сделать мосты и ночью отыскать броды». Утром 8 сентября русское войско переправилось на другой берег Дона. Таким образом, инициатива переправы через Дон принадлежала самому Дмитрию Донскому. Говоря о причинах, которые понудили русских полководцев перейти через Дон, мы в первую очередь должны отметить необходимость для русского войска опередить соединение татарского войска с литовским. На это указывает и Ермолинская летопись, вкладывающая в уста Мамай слова: «Подвигнемся к Дону, доколе подоспеет к нам Ягайло» ³².

Решение о переходе через Дон обнаруживает в русских полководцах решимость сражаться до конца, так как пути отступления для русской армии после перехода через реку были затруднены до крайности.

По Ермолинской летописи, русские войска переправились через Дон в самый день битвы; по сказаниям же, русское войско переправилось через реку накануне битвы. В них же находим и описание ночи перед битвой, а также гадания великого князя вместе с Дмитрием Волынцем в поле, лежавшем между враждебными войсками, «промеж двумя великими силами». Обратившись в сторону татарского лагеря, великий князь и Дмитрий Волынец слышали «стук велик и кличь и вопль», в русском же

²⁹ ПСРЛ. Т. XXIII, стр. 125.

³⁰ С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 58. Приложения.

³¹ Новгородский хронограф, л. 277об.

³² ПСРЛ. Т. XXIII, стр. 125.

лагере «была тишина великая». Вторую приметку, предвещавшую победу, великий князь услышал, пригнувшись ухом к земле. На татарской стороне слышен был вопль, точно девица кричала плачевным голосом, на русской — женщина плакала о детях своих.

Описание ночного гадания Дмитрия Донского и Дмитрия Волынца замечательно по своей красоте и поэтичности, но не имеет исторической достоверности. Как мы уже видели, русские войска переправились через Дон в день битвы, и поэтической ночи перед битвой не было. Впрочем, сама тема гадания перед боем правдоподобна и соответствует военным привычкам того времени. Даже противопоставление шумного татарского лагеря тихому лагерю русских перед сражением опиралось на военные обычаи русских воинов, смелых, но не бахвальных в бою. Вспомним знаменитые стихи Лермонтова о русском и французском лагерях перед Бородинской битвой («Но тих был наш бивак открытый»).

Сказания рассказывают о самой битве с целым рядом подробностей, но истинную картину битвы узнаем из краткого повествования Ермолинской летописи: «Была же мгла тогда великая, потом мгла разошлась, тогда все перешли за Дон. Было же бесчисленное множество воинов, так что и земле подвигнуться. И вышли на поле чистое на устье реки Непрядвы, приготовившись к бою. И как был шестой час дня, начали появляться татары в чистом поле и приготовились к битве против христиан. Было же обоих множество, и сошлись обе силы великие, покрыли поле на 13 верст. И была сеча великая и сражение великое, какое не бывало от начала русским князьям. И бились от шестого часа до девятого, и пролилася кровь, как дождевая туча, и пало множество трупов с обеих сторон. При часе же девятом посмотрел господь милостивым взором на род христианский... И вскоре побегли полки татар, а христиане погнались за ними вслед, убивая, и гнали их, убивая, до Мечи реки, а княжеские полки до Сodomлян и до станов их, и взяли все богатство их и стада их, перебили их много множество, а другие из них утонули»³³.

Этот рассказ повторяет и летописная повесть, расцветивая только свой первоначальный источник цитатами из церковных книг.

Сказания дополняют картину боя интересными подробностями. Они говорят о поединке инока Александра Пересвета с татарским богатырем, что совершилось перед глазами обеих враждебных армий. В сказаниях говорится также о засадном полку во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским и Дмитрием Волынцем. Этот полк, сидевший в дубраве, и решил исход битвы. Татары обратились в бегство и бежали во главе с Мамаем.

В сказаниях главным героем сражения изображается Владимир Андреевич. Он, как победитель, «стал на костях под черным знаменем». Дмитрий же Донской был ранен во время боя, будто бы покинул поле битвы и лежал без памяти под сенью срубленной березы. Тут его и нашли полумертвым воины, посланные на поиски Владимиром Андреевичем.

Эта легенда при всей ее несообразности прочно утвердилась в исторической литературе. Между тем она представляет собой своего рода памфлет, направленный против великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Большое количество церковных ссылок обнаруживает и возможного автора этого памфлета — митрополита Киприана, с которым враждовал Дмитрий Донской. Недаром в так называемом сказании 2-й редакции уже появляется имя митрополита Киприана как главного советника великого князя Дмитрия Ивановича, хотя в 1380 г. Киприана не было в Москве.

В Ермолинской летописи рассказывается совершенно по-другому: «У самого же великого князю все доспехи были побиты, на теле же его не было никакой раны, а бился с татарами на первой схватке. Этому князю воеводы говорили: «Господин, не становися впереди, но

³³ Там же, стр. 125—126.

позади или сбоку, или в особом месте». Он же сказал: «Как же я скажу: «Братья, начнем все до единого, а сам лице свое начну скрывать или прятаться позади, но хочу, как словом, так и делом перед всеми голову свою сложить за христиан, чтобы и остальные, видев это, восприяли отвагу». Да как сказал, так и сделал: сражался, став впереди всех, и было и справа и слева от него множество убитых, а самого обступили с обеих сторон, как вода многая, и много ударов принял по голове и всему телу»³⁴.

Победа на Куликовом поле была одержана во-время, так как литовское войско находилось уже на расстоянии одного дневного перехода от Куликова поля («за едино днище и меньше»)³⁵.

Обратное возвращение русского войска в Москву было затруднено нападениями рязанцев и литовцев. Олег Рязанский приказал грабить и отнимать добычу у людей Дмитрия Донского, ехавших через Рязанскую землю. В грабеже принимали участие и литовцы, не поспевшие на помощь к Мамаю.

Победа на Куликовом поле была полной и привела к решительным политическим переменам в Золотой Орде. Мамай нашел сильного соперника в лице хана Тохтамыша. Соперничавшие ханы встретились на Калке, где Мамай потерпел поражение. Он бежал в Кафу и был убит кафинцами, то есть местными итальянцами, захватившими его богатства. Олег Рязанский, как мы уже знаем, бежал из своей столицы.

Через два года после Куликовской битвы (1382 г.) хан Тохтамыш «изгоном» подступил к Москве и овладел ею путем измены. Этот временный успех Золотой Орды ничего уже не мог изменить. Зависимость Руси от Золотой Орды сохранялась еще целое столетие, но основы татарской власти над Русью были подорваны в корне. Падение татарского ига совпало с концом феодальной раздробленности, и это было вполне закономерным явлением, так как в последний век своего существования татарская власть только и держалась при помощи этой раздробленности.

Куликовская битва была великой победой русского народа над золотоордынскими татарами. Она нанесла непоправимый удар Золотой Орде, кратковременный подъем которой при Тохтамыше сменился быстрым упадком. После Куликовской битвы татары осмеливались нападать на русские земли только внезапными набегами, «изгоном». Ханские ярлыки на великое княжение, так называемое «царево жалование», сделались почти фикцией, а дань, уплачиваемая в Орду, получила характер откупа от грабительских нападений. Такую дань крымские ханы получали даже в XVII в. одинаково с России и с Речи Посполитой. Оба государства платили ее, чтобы избежать грабительских нападений крымцев. Татарский «выход» был тяжел, но уже не имел характера систематической дани, получаемой Золотой Ордой с русских земель.

Куликовская битва показала, что объединенные русские земли даже в военном отношении значительно сильнее Золотой Орды, а ведь русское ополчение было представлено далеко не всеми русскими землями. Путь к объединению русского народа в едином государстве был вместе с тем и путем к обеспечению его независимости. Москва сделалась столицей крупнейшего государства в Восточной Европе — Российского государства, и появление новой международной силы было тотчас же замечено соседними странами.

«Задонщина», поэтическая повесть о Мамаевом побоище, так характеризует международное значение Куликовской битвы: «Шибла

³⁴ «Ермолинская летопись», стр. 126.

³⁵ Там же.

слава к Железным вратам, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу. Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове»³⁶.

Итак, слава о русской победе понеслась к Железным Воротам, как называли обычно Дербент, к Риму в Италию и к Кафе в Крыму, к столице болгарского царства — Тырнову и оттуда к Царьграду — Константинополю, столице Византийской империи.

Следовательно, русская победа на Куликовом поле оказала, по мнению современников, громадное влияние на международное положение в бассейне Черного моря, в первую очередь в ней были заинтересованы Болгария и Византийская империя. И действительно, пройдет всего несколько лет, и на Коссовом поле выступят защитники Сербии и Болгарии от турецкой агрессии.

Но не только одни причерноморские страны и Италия услышали о русской победе. О ней уже сообщает Кранц, немецкий писатель конца XV века. По его словам, между «русскими и татарами произошло страшное сражение, какое только известно было на памяти людей». Русские одержали победу. Битва произошла в 1381 г., в то время в Любеке был съезд и совещание всех городов Ганзы³⁷.

Какое значение сам Дмитрий Донской придавал распространению правильных сведений о Куликовской битве, показывает известие сказаний о Мамаевом побоище, что в русском войске находились «сурожане московские гости». В случае победы они должны были рассказывать о ней в дальних странах. Эти 10 сурожан действительно принадлежали к числу виднейших московских купцов³⁸.

Но, конечно, никто так хорошо не сознавал значения Куликовской битвы, как сам русский народ. Уже вскоре после битвы какой-то неизвестный нам поэт сложил «Задонщину», или «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче». Для него Куликовская битва является ответом на победу половцев при Каяле. «Те бо на реке на Каяле одолеша родъ Афетовъ. И отоля Руская земля седить невесела». Победа на Куликовом поле решительно изменила положение. Теперь уже «встонала земля татарская»³⁹.

Сказания о Мамаевом побоище в различных их редакциях еще больше распространили и расцветили основную тему о победе русских войск над татарами. И уже в XVI столетии в своем послании к Курбскому царь Иван Грозный называет Дмитрия Донского в числе русских героев. Позже сказание о Мамаевом побоище попадает в первый учебник русской истории — Синописис, напечатанный в конце XVII века.

Всякий раз при приближении военной грозы русские люди вспоминали героев Куликовской битвы во главе с Дмитрием Донским.

Мы, советские люди, с любовью и гордостью вспоминаем Куликовскую битву, от которой нас отделяет 575 лет, празднуем ее великую и радостно годовщину.

³⁶ «Воинские повести древней Руси». Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л. 1949, стр. 37.

³⁷ См. Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Т. V. СПб. 1817, стр. 428, примечание 81.

³⁸ См. об этом подробнее в книге: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). М. 1947.

³⁹ «Воинские повести древней Руси», стр. 33, 40.